

УДК 881.161.1

Доминанта души и хронотоп
Раскольников: от «Двойника»
к «Собеседнику»
(по А. Ухтомскому)

Е. А. Федорова

Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова

E-mail: sole11@yandex.ru

Научная статья

При анализе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» используются понятия теории общения, которые изложены в работе «От Двойника к Собеседнику» (1927–1929) известного русского физиолога и мыслителя А. А. Ухтомского. В статье показаны этапы формирования доминанты Раскольника, которая ведет его к преступлению. Показано также, как герой Достоевского освобождается от Двойника, уступая место Собеседнику, который ориентирован на Другого, на «катеорию лица». Вместе с Собеседником к Раскольникову возвращается детское доверчивое отношение к миру. Различные ценностные установки героя выражены в его хронотопе, который символичен. «Кодом» Двойника в романе становится узкая, темная лестница и звук дверного колокольчика на месте преступления. Двойником Раскольникова оказывается Свидригайлов. «Кодом» Собеседника становятся лучи солнца и звук церковных колоколов. Помогает в возрождении Раскольникову его чувство сострадания и общение с ним Сони Мармеладовой как с Собеседником.

Ключевые слова: А. А. Ухтомский, Ф. М. Достоевский, М. М. Бахтин, роман «Преступление и наказание», доминанта, Двойник, Собеседник, хронотоп

The dominant soul and chronotop
Raskolnikov: from the "Double" to
the "Interlocutor"
(by A. Ukhtomsky)

E. V. Fedorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

In the analysis of the novel F. M. Dostoevsky's *Crime and Punishment* used the concept of communication theory, as set out in the "From the Double to the Interlocutor" (1927-1929) the famous Russian physiologist and philosopher A. A. Uhtomsky. The article shows the steps of forming a dominant Raskolnikov, which leads him to the crime. We also show how Dostoevsky's hero is released from the Double, giving way to the Interlocutor, which is focused on the other, to "face." However, the interlocutors to Raskolnikov returns child trusting relationship to the world. Various value orientations hero expressed in its chronotope, which is symbolic. "Code" Double in the novel becomes a narrow, dark stairs and the sound of the door bell at the scene. The Double is Raskolnikov, Svidrigailov. "Code" Interlocutor become rays of the sun and the sound of church bells. Raskolnikov helps in reviving his sense of compassion and communion with him Sony Marmeladova both interlocutors.

Keywords: A. A. Ukhtomsky, F. M. Dostoevsky, M. M. Bakhtin, *Crime and Punishment*, dominant, Double, Interlocutor, chronotope

В работе «От Двойника к Собеседнику» (1927–1929) А. Ухтомский, известный русский физиолог и выдающийся мыслитель, признается, что принцип доминанты, им разработанный, позволяет ему по-новому взглянуть на повесть «Двойник» Ф. М. Достоевского. Между мыслями человека и действительностью находятся его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности. В. Е. Хализев считает, что опорными словами в теории общения А. Ухтомского являются Двойник и Собеседник [1, с. 25]. Если человек ориентируется на себя, то в нем проявляется Двойник, если у человека появляется установка в общении на другое лицо, то он становится Собеседником. Следует добавить, что доминанты человека определяют и адресата

коммуникации: Двойник – тот, кто ему подобен, вызывает зависть и недоверие, Собеседник – это предмет живого и бескорыстного интереса.

Освободившись от самоутверждения, от Двойника, человек вносит в понимание мира «катеорию лица» (Другого), которое может быть только целью, но не средством. И с этого момента он сам приобретает лицо, т. е. открывает в себе Другого или Собеседника. Закон заслуженного собеседника Ухтомский формулирует так: «встреча с человеком вскрывает и делает явным то, что до этого таилось в нас» [2, с. 367], т. е. если встречный человек для тебя плох, то ты сам виноват в том, что человек повернулся к тебе плохими сторонами. «Предрешенное в прежнем, но требующее созревания и условий извне, чтобы открыться и выявиться, – вот доминанта в человеке и хронотоп в Бытии!», – заключает А. Ухтомский [2, с. 374].

По мнению А. Ухтомского, Голядкин и «человек из подполья» – это герои, «которые не могут освободиться от своего Двойника» [2, с. 353], Голядкина преследует он сам – и в этом его наказание. Противоположностью Голядкину становится Зосима, одинаково открытый и готовый Собеседник для любого человека. Ухтомский утверждает, что эта доминанта на лицо Другого у Зосимы создается «большим, чисто физическим насилием над собою, готовностью ломать себя без жалости» и «детским отношением к миру как к близкому, интимно-любимому, уважаемому собеседнику и другу» [2, с. 387]. Этот склад мировосприятия удерживается самодисциплиной и осторожным охранением совести.

Осенью 1925 года А. Ухтомский выступил с докладом «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» перед студентами и сотрудниками Петергофского естественно-научного института [2, с. 67]. Среди слушателей был М. М. Бахтин, который понятие «хронотоп» подхватил и разработал: у Бахтина хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [3, с. 9]. Но и Ухтомский в записных книжках, письмах, статьях продолжал размышлять над понятием хронотопа, сближая его с открытым им принципом «доминанты» и подчеркивая их общую аксиологическую составляющую.

Н. Т. Ашимбаева, обратившись к «Записным книжкам» А. А. Ухтомского, заметила, что в романе «Преступление и наказание» можно найти «классическую картину развития доминанты» [4, с. 197–198]. На наш взгляд, кроме этого, в романе показана борьба Двойника и Собеседника в Раскольникове, а также – освобождение Раскольникова от своего Двойника и движение его к Собеседнику.

В первой главе романа «Преступление и наказание» автор погружает читателя в сознание Раскольникова, который совершает «пробу» преступления. Борьба двух начал в душе Раскольникова показана через систему знаков и символов – «кодов», которые соответствуют Двойнику или Собеседнику. Ю. М. Лотман отмечал особенность текстов Ф. М. Достоевского – «стремление видеть в отдельном факте глубинный символический смысл» [5, с. 196]. По мнению В. Н. Захарова, хронотоп в произведениях Достоевского метафоричен и даже символичен [6, с. 95].

Раскольников оказывается на «темной» и «узкой» лестнице – ему эта обстановка нравится [7, с. 10]. Мысленно герой переносится в момент совершения преступления, в будущее время: «Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил...» [7, с. 11]. Пространство Двойника сужается, его «кодом» оказывается тьма лестницы и звук дребезжащего дверного колокольчика.

По мнению С. И. Фуделя, лучи солнца в романе «Преступление и наказание» становятся символом свободы человека от зла [8, с. 45]. Солнце словно открывает герою истину. «И тогда стало быть также солнце будет светить...» [7, с. 12]. Образ будущего преступления вызывает у Раскольникова отторжение: «И неужели такой ужас мог придти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...» [7, с. 14]. Как только он освобождается от Двойника, его пространство расширяется: «Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей» [7, с. 15].

Однако рассказ Мармеладова и письмо матери возвращают Двойника Раскольникову. Ситуация, когда «идти некуда» («вечная Сонечка»), вызывает у Раскольникова негодование и презрение к человеческим законам. Если «подлец человек» переступает через другого, то «нет никаких преград, и так тому и следует быть!» [7, с. 33]. С. И. Фудель замечает, что победа Двойника происходит, когда человек перестает различать добро и зло [8, с. 44].

В «Записных книжках» 12 мая 1922 года А. Ухтомский описывает три стадии формирования доминанты: на первой стадии наметившаяся доминанта привлекает к себе разнообразные возбуждения, на второй стадии доминанта выделяет образ, который становится ее возбудителем, на третьей стадии – образ, возбуждающий доминанту, вызывает прежнее состояние нервной системы [9, с. 140–141].

После исповеди Мармеладова мысль о преступлении у Раскольникова «явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде...» [7, с. 49]. Идея овладела им. Это первый этап формирования доминанты, по А. Ухтомскому. На втором этапе наступает тишина и человек начинает отбирать только то, что определяет его доминанту. Это происходит на Сенной площади, на перекрестке дорог (что символизирует окончательный выбор героя). Когда Раскольников слышит сообщение о том, что Лизаветы не будет дома завтра в семь вечера, он «всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли, и что все вдруг решено окончательно» [7, с. 65]. Разговор студента и офицера, услышанный ранее и созвучный его идее, укрепляет его решение. Это третий этап формирования доминанты.

Во время совершения преступления в душе героя торжествует Двойник: «тупая зверская злоба закипела в нем» [7, с. 75], «тела своего он почти и не чувствовал на себе» [7, с. 78], «инстинкт помогал» [7, с. 84], «кочки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове» [7, с. 89].

После убийства процентщицы Раскольников не может молиться [7, с. 93], он все время возвращается к месту и времени преступления: «Дойдя до поворота во *вчерашнюю* улицу, он с мучительной тревогой заглянул в нее, на *тот* дом»... [7, с. 94], «Вдруг как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у *того* дома, у самых ворот. С *того* вечера он здесь не был и мимо не проходил» [7, с. 168]. Раскольников двигается по кругу, знаком становится дребезжащий колокольчик на месте преступления, который ему приятно слышать. Символом этого движения по кругу становится музыка шарманки, которую слышит Раскольников на улице. «Страшный беспорядок», «торжество самосохранения», «чисто-животная радость» [7, с. 98] сменяются «мрачным ощущением мучительного, бесконечного уединения и отчуждения» [7, с. 103], которое усиливается: «это было какое-то бесконечное, почти физическое, отвращение ко всему встречавшемуся и окружавшему, упорное, злобное, ненавистное» [7, с. 110]. Презрение к окружающим переходит в ненависть, у него возникает потребность разрыва отношений с окружающими, даже с Разумихиным, с матерью и сестрой.

Второй сон Раскольникова раскрывает его модель мира, которая оказывается противоположна той, что была до совершения преступления. Если в первом сне избиение лошади пробуждает боль его сердца, то страшный кошмар о «зверском» истязании хозяйки вызывает у него только рассудочный вопрос: «Что это, свет перевернулся что ли?» [7, с. 115]. Действительно, картина мира в его сознании оказывается искаженной: он неверно судит об окружающих, его сознание порождает новых Двойников. Во втором сне таким Двойником становится Илья Петрович, «ужасный от злобы и бешенства» [7, с. 115]. Затем – уже наяву – Свидригайлов, словно вышедший из сознания Раскольникова, чье пространство символически сужается до баньки с пауками. С образом Свидригайлова соединяется уже сформировавшаяся доминанта Двойника Раскольникова.

Двойник в одноименной повести Достоевского появляется, когда Голядкин стоит над черной водой Фонтанки и желает «убежать от себя самого», «совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [10, с. 180]. У Раскольникова возникает подобное состояние, мысль о самоубийстве также приводит его к реке, лишь женщина-утопленница, которая на его глазах воплотила его желание в поступок, отвращает его от намерения уничтожить себя.

На наш взгляд, Собеседник пробуждается в душе Раскольников, когда он видит на улице раздавленного лошадьми Мармеладова: сострадание к другому человеку возвращает его к жизни. После помощи Мармеладовым и разговора с Полей Раскольников испытывает «новое, необъятное ощущение вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни» [7, с. 183]. Раскольникову снится сон, в котором сталкиваются символические «коды» Двойника и Собеседника – «черная лестница» и воскресный звон колоколов. Звук дребезжащего дверного колокольчика противопоставляется в этом сне благовесту церковных колоколов.

Освобождение от Двойника начинается у Раскольникова с пробуждения сердца и с его исповеди. После ложного обвинения Сони в воровстве Раскольников осознает, сколько «личного и сердечного заключалось в стремлении его заступиться за Соню» [7, с. 391]. Раскольников «почувствовал», что должен исповедаться перед Соней, «и это мучительное сознание своего бессилия перед необходимостью почти придавило его» [7, с. 391]. По А. Ухтомскому, первичным элементом душевной жизни личности являются ее чувствования и страдания [9, с. 269–270]. В работе «Космологическое доказательство бытия Божия» Ухтомский утверждает, что осознание «необходимости» есть признание существования того, что выше человека, т. е. бытия Божия [9, с. 346]. Лицо Сони в момент исповеди напоминает Раскольникову лицо Лизаветы в момент убийства: их объединяет детский испуг [7, с. 396]. Раскольников в этот момент возвращается к «ребенку» в себе: «Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно также и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же *детскою* улыбкой» [7, с. 396]. Детское доверчивое отношение к миру – это черта Собеседника, по А. Ухтомскому [2, с. 387]. В.В. Зеньковский утверждает, что в ребенке проступает духовное начало как его путь, его «крест»: «В биографии каждого человека... надо уметь видеть сквозь внешнюю цепь событий в жизни человека ту последнюю глубину, в которой раскрывается крест человека – его духовные задачи, логика его духовного пути» [11, с. 53]. С этого момента в Раскольникове уже действует Собеседник, который определяет его путь: «чем уединеннее было место, тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое и тревожное присутствие» [7, с. 424]. С образом Сони соотносится доминанта Собеседника в Раскольникове. Именно «больное и измученное», «отчаянное» лицо Сони вынудило Раскольникова вернуться в полицейский участок и сделать признание в убийстве ростовщицы [7, с. 511].

Для того чтобы выйти из порочного круга, в котором находится Раскольников, «нужна существенная ценностная позиция вне познающего и вне долженствующего сознания, находясь на которой, можно было бы совершить это объединение и завершение», по мысли Бахтина [3, с. 33]. Такую позицию занимает в общении с Раскольниковым Соня Мармеладова: она читает ему евангельскую притчу о воскресшем Лазаре, она отказывается судить Лужина, она говорит Раскольникову о необходимости публичного покаяния. Соня выстраивает ценностную вертикаль в сознании Раскольникова, она для него играет роль матери (в черновиках мать просит Соню сохранить Раскольникова) и она пробуждает в нем ребенка, смягчает его сердце: «Давно незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягло ее» [7, с. 397]. Раскольников идет на Сенную площадь, возвращается на перекресток, когда он сделал свой ошибочный выбор, и целует землю, как сказала ему Соня. Теперь уже не идея, не рассудок движет им, а чувство – «цельное, новое, полное ощущение» [7, с. 506].

То, что Раскольников начинает освобождаться от своего Двойника, проявляется в том, как меняется в общении с ним Порфирий Петрович во время их последнего разговора. Он не ставит своему собеседнику психологические ловушки, как это делал в предыдущие две беседы, а говорит, что «Бог бережет» Раскольникова, а также говорит о вере в его будущее [7, с. 442].

Д. Григорьев писал, как по-разному воспринимают исследователи творчества Достоевского финал романа «Преступление и наказание» [12], споры о возможности воскресения Раскольникова, как показали прения на XVI симпозиуме Международного общества Ф. М. Достоевского в Гранаде, во многом связаны с ценностными установками исследователей.

Действительно, в эпилоге показаны размышления героя, который упорно не желает отказаться от своей теории. Но, по мнению Б.Н. Тихомирова, сон на каторге Раскольников, который имеет апокалипсические черты, становится поворотным в сознании героя и предвосхищает сон «смешного человека» из одноименного рассказа Ф. М. Достоевского, поскольку герой осознает ответственность за свои «злые мысли» перед всем человечеством [13]. Необходимо добавить, что в этом сне Раскольников впервые видит свою идею со стороны, т. е. отчуждается от нее. Если зло определяется, то человек уже различает добро и зло [8, с. 44], следовательно, его Двойник вытесняется Собеседником.

Модель мира героя меняется: расширяется его пространство, он вновь видит солнце и обращается к библейскому времени, к вечности, где «как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» [7, с. 527]. По мнению Р. Г. Назирова, существенно то, что может быть перенесено в вечность [14, с. 18]. Встреча с Соней на берегу реки после Светлого Христова Воскресения – это начало новой жизни героя [15, с. 135–136]. Образ Сони «пронзает» сердце Раскольникова [7, с. 525]. Раскольников в цельном порыве бросается к ногам Сони так же, как бросился к ногам матери после решения идти с повинной.

В эпилоге романа показано не столько любовное свидание, как утверждают некоторые исследователи Достоевского, сколько встреча двух Собеседников в Соне и Раскольникове – доминантой их личности является сострадание: «Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [7, с. 527]. Теперь не рассудочный анализ движет Раскольниковым, а ощущение живой жизни, которая не постигается рассудком. Преступление кажется ему «каким-то внешним, странным, как бы и не с ним случившимся фактом» [7, с. 527]. Любовь как духовная сила возвращает Раскольникова к людям: «...все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково» [7, с. 527]. Однако, как замечает С.И. Фудель, одной любви для возрождения Раскольникову недостаточно, впереди у него «подвиг» искупления греха [8, с. 51], а также – вера (Евангелие лежит под подушкой) и новая жизнь. Жизнь Собеседника.

Ссылки / Reference

- [1] Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А.А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX вв.) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научн. трудов. Вып. 3 / Отв. ред. В. Н. Захаров; ПетрГУ. Петрозаводск, 2001. С. 21–42.
- [2] Ухтомский А. О хронотопе // Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002. 448 с.
- [3] Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. 504 с.
- [4] Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник». Некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов А. Ухтомского на человека и его отношения с окружающим миром // Ашимбаева Н. Т. Достоевский. Контексты слов: сб. ст. СПб.: Серебряный век, 2014. С. 194–204.
- [5] Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 191–200.
- [6] Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
- [7] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. VII. Петрозаводск, 2007.
- [8] Фудель С. И. Явление Христа в современности // Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. Наследство Достоевского / Сост., подг. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2005. С. 42–53.

- [9] Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 567 с.
- [10] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Петрозаводск, 1995. Т. 1. 685 с.
- [11] Зеньковский В. В. Психология детства. М.: Академия, 1996. 346 с.
- [12] Григорьев Д. Евангелие и Раскольников // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научн. трудов. Вып. 4 / Отв. ред. В. Н. Захаров; ПетрГУ. Петрозаводск, 2005. С. 297–301.
- [13] Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. 460 с.
- [14] Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982.
- [15] Гаричева (Федорова) Е. А. «Мир станет красота Христова». Категория преображения в русской словесности XVI–XX вв.: монография / Е. А. Гаричева. Великий Новгород: МОУ ПКС «Ин-т образовательного маркетинга и кадровых ресурсов», 2008. 298 с.